

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В
ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ ФЕНОМЕНА ТВОРЧЕСКОЙ
ЛИЧНОСТИ И ЛИЧНОГО СОЗНАНИЯ М. ЗОЩЕНКО В
СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ 1920-30-Х ГОДОВ.

La interpretación del fenómeno de la personalidad creativa y de la mente personal de M. Zoshenko en el contexto social cultural de los años 1920-1930 en la crítica literaria rusa y extranjera

On the interpretation in Russian and foreign literary studies of the creative personality and personal consciousness of Mikhail Zoshchenko in the sociocultural context of the 1920-1930s

Алена Егоровна Квашнева
Сыктывкарский государственный университет,
Сыктывкар
(Россия)

Aliona Egorovna Kvashneva
Universidad Estatal de Syktyvkar,
Syktyvkar
(Russia)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 12.10.2015

Fecha de evaluación: 14.12.2015

Cuadernos de Rusística Española n° 11 (2015), 129 - 136

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена обзору интерпретации в литературоведении феномена творческой личности Михаила Зощенко в контексте неоднозначного литературного процесса 1920-30 годов. В работе предпринята попытка анализа модели романтического поведения М.Зощенко, определившая его подход к задачам и целям новой «народной литературы», раскрыты ключевые составляющие творческого метода писателя.

Ключевые слова: Михаил Зощенко, творческая личность, романтическое поведение, мотив двойничества.

ABSTRACT

The article is devoted to an important problem, the phenomenon of the creative personality of Mikhail Zoshchenko in the socio-cultural context of the 1920-1930s. It discusses the modelling of Zoshchenko's romantic behaviour, his conception of the new "popular literature", and points out key components of the writer's artistic method.

Keywords: Mikhail Zoshchenko, creative personality, romantic behavior, motif of the double.

Отечественная литература XX века – это особый феномен, выросший из классических основ русской культуры и по-своему их трансформировавший. Крупные исторические потрясения, смена культурных ориентиров, философских систем, стилей, смещение жанров, научные открытия – всё самое значительное, занимало сознание писателей и поэтов этого времени и отразилось в их творчестве.

Говоря же о русской литературе советского периода первой половины XX века, нужно отметить уникальность и противоречивость этой эпохи. Трансформация русской культурной картины мира в первые постреволюционные десятилетия – проблема, требующая многостороннего подхода и глубокого научного объяснения. Вопрос о судьбе русской культуры 1920-30 годов остается не до конца проясненным и не раскрытым во всей полноте исследовательских задач. В этом смысле обращение к феномену творческой личности Михаила Зощенко, одного из самых ярких представителей переходной эпохи в литературе, на наш взгляд, позволяет выявить особенности трансформации творческого сознания художника – свидетеля исторического перелома, проанализировать динамику психологического воздействия дихотомичной исторической эпохи на сознание писателя и поиск художником своего этического и эстетического кода в столь сложной и противоречивой реальности.

Феномен творческой личности Михаила Зощенко, в судьбе которого, начиная с раннего периода, рельефно отразилась эпоха исторического слома с ее трагическими противоречиями и обостренными этико-эстетическими исканиями необычайно притягателен. Можно сказать, что творчество и драматическая судьба Михаила Зощенко запечатлели не только серьезные изменения, которые произошли в русской истории (слом социальной системы, общественно-политического строя, идеологического вектора), но и сдвиги в русской картине мира, речь идет о трансформации темпоральности русской культуры, в частности о переносе темпорального акцента, свойственного русской традиционной картине мира, с прошлого – на будущее (создание «нового» советского государства, «нового» советского человека, «новой» массовой советской культуры).

В 1920-30-е годы русские писатели, создавая образ человека эпохи перелома, часто пользовались разнообразными категориями двойника. Многочисленные персонажи с раздвоенной личностью позволяют говорить о некоторой модели героя с похожими психологическими особенностями. Главной чертой является нарушение внутренней гармонии образа. Психическую дисгармонию вызывают различные социологические или психологические факторы. Столкновение двух действительностей, до- и послереволюционной, так сильно отличающихся в области сознания, ментальности, системы ценностей, приводило к внутренним конфликтам героев. Как результат дихотомичной, амбивалентной действительности появился дихотомичный литературный герой. М.Зощенко в фельетонах, юморесках, коротких рассказах представил необыкновенно богатую панораму нравов своего времени, констатировал относительную стабилизацию общественной системы, относительно быстро возвращавшейся к равновесию после революционных потрясений. Старые навыки, ритуалы ремесленных, чиновничьих и интеллигентских кругов входят на правах мимикрии в сложный симбиоз с элементами нового порядка. В произведениях Зощенко сосуществуют элементы двух эпох: до- и послереволюционной. Этот писатель отлично передал чувство двусмысленности человека, живущего на границе

двух систем. Как отмечает в своих исследованиях Катарина Высочанска-Паяк, «сатирик не создаёт образы *stricte* двойнические, а только указывает на некоторые внутренние противоречия своих героев. Если Бабель был мастером представления двойного сознания, то Зощенко - портретов с двойной ментальностью. Создаваемые всё время новые общественные ситуации требовали от людей соответствующего поведения, которое не было ещё окончательно отработано. Симбиоз двух миров ведёт к появлению странного конгломерата старого обывателя и настоящего товарища. Ментальный дуализм героев Зощенко прежде всего выражается в их языке. Соединение элементов старого изысканного и чиновничьего языка с пропагандируемыми избитыми фразами в самых обычных жизненных ситуациях создаёт комизм, но одновременно информирует о некоторой внутренней несвязанности и двойственности говорящего» (Wysoczanska-Pajak, Katarzyna 2013: 128-129).

Обращаясь к интерпретации феномена творческой личности и творческого сознания М. Зощенко в отечественном и зарубежном литературоведении с конца 1970-х годов до настоящего времени, необходимо отметить изменение подходов к исследованию биографии и творчества писателя.

Первая группа исследований акцентирует внимание на поэтике произведений М.Зощенко. В 1979 году вышла книга М.О. Чудаковой «Поэтика Михаила Зощенко», представляющая собой иной взгляд на творчество М. Зощенко. Это была первая книга, в которой рассматривались проблемы поэтики Зощенко, и главным был вопрос не содержания и тематики рассказов (осмеяние мещанства и т.д.), а проблема соотношения авторского голоса и голоса рассказчика в прозе Зощенко (Чудакова 2001: 79).

Обозначенная в книге М. Чудаковой стратегия исследования творчества М.Зощенко получила развитие в трудах Г.А.Белой: обратившись к феномену творческого сознания русских писателей 1920-30-х годов, она отметила двойственность как главное свойство творческой личности М.Зощенко, которая проявляется в разных сферах (Белая 1989: 148). Феномен творческой личности Зощенко в литературном процессе 1920-30-х гг. состоит в том, что он по-своему увидел некоторые характерные процессы современной ему действительности, создал в своей сатире такую галерею персонажей, которые породили нарицательное понятие «зощенковский герой», а также создал свой, совершенно неповторимый художественный стиль. Находясь у истоков советской сатирико-юмористической прозы, он выступил создателем оригинальной комической новеллы, продолжившей в новых исторических условиях традиции Гоголя, Лескова, раннего Чехова. Михаил Зощенко предельно ясно сформулировал свои творческие задачи: создание новой «народной литературы», цель творчества - «служение народу» (Зощенко М., 1984), данная ориентация определила его культурный код – «модель романтического поведения» не только в искусстве, но и в реальной жизни, творчество как стиль жизни, код Дон-Кихота 1920-30-х гг. (Белая 1989: 167-169). Данный феномен является ключевым моментом в творческой личности Зощенко, определивший специфику его творчества.

По мысли Г.А.Белой, именно романтический радикализм М.Зощенко определил концепцию новой «народной литературы» М.Зощенко: предреволюционная литература казалась Зощенко духовно выхолощенной, старая традиция казалась исчерпанной, не способной ответить на вызовы революционного времени, в первые

же послереволюционные годы Зошенко выступил с концепцией отрицания «старой России», старых привычек и старых представлений, в числе которых оказалась, и традиционная литература с ее «высокими» понятиями. С другой стороны, эта «модель романтического поведения» определяет ориентацию М.Зошенко на духовную традицию Гоголя (Белая 1995: 4-13). Писателя волновал вопрос неизменности и консервативности психики людей в условиях изменений всех внешних условий жизни в период революции. И эта тема появляется во многих произведениях Зошенко 1920-х годов: «Я был жертвой революции», - заявляет один из героев (рассказ «Жертва революции» (Зошенко 2014: 306-309)). С самого начала его творчества вопрос разрыва между происходившими эпохальными событиями в стране и консерватизмом человеческой психики обращают внимание писателя к той сфере жизни, где принимают изменения высокие идеи и масштабные события.

Двойственность обнаруживается и в других произведениях писателя («Жертва революции», «Бедный человек», «Агитатор» и др.). Так в рассказе «Жертва революции» мы видим два мира: один – это большой мир, в котором происходят масштабные события, звучат выстрелы, и другой – это мир, где революция выступает как ординарная вещь, как день, не выпадающий из других дней недели. Таким образом, Зошенко обозначает границы мира, в котором революция не входит в сознание человека как масштабное событие, изменяющее повседневность. Два этих мира действительно существовали в общественном сознании эпохи, характеризовали ее сложность и противоречивость, и в произведениях Михаила Зошенко 1920-х годов остро ощущается разрыв между этими двумя мирами. Высокая идея революции встречала препятствия, сталкиваясь с обыденностью сознания, инертностью психики, веками сложившимися отношениями между человеком и миром. Так, неизменность человеческой природы, устои нравственной жизни, быт людей стали основными объектами художественного познания писателя. Г.А. Белая отмечает, что Зошенко смог раскрыть отрицательные черты сознания «маленького человека». И в этом изображении героев прослеживаются традиции Гоголя, Достоевского и Чехова. При этом в изображении героя Зошенко совмещает сострадание, свойственное творчеству Гоголя и Достоевского, а также ироничное отношение Чехова (Белая 1995: 4-13).

Ориентация М.Зошенко на гоголевскую традицию подчеркивается и в исследованиях Л.Х.Скэттона: «Подобно Гоголю в XIX веке, Зошенко в XX-ом упорно сражался с собственным талантом. Но хотя в течение своей творческой жизни он не раз намеренно менял манеры письма, его мировоззрение и понимание роли литературы всегда оставались неизменными. При этом он проклинал свой особый, только ему данный талант, потому что был не в силах подчинить его своей воле, передать и обратить в нечто такое, что, по его представлениям, достойнее и точнее отвечало бы высокому призванию литературы. Отчаянные попытки сопрячь талант и рациональное начало, стремление трансформировать свой дар заставляли Зошенко экспериментировать, искать, и он свободно переходил из жанра в жанр» (Скэттон Л.Х., 1995: 14-17).

Кроме вышеперечисленных исследований существует вторая обширная группа работ, посвященных жизни и творчеству М.Зошенко, в которых используется психобиографический подход. Речь идет о статьях и монографиях преимущественно

западных славистов, в которых анализируются фобии и неврозы Зоценко, выявленные в его текстах. Особенное внимание при этом уделяется повести Михаила Зоценко «Перед восходом солнца» (1943). Так, Т.П. Ходж в статье «Элементы фрейдизма в «Перед восходом солнца» Зоценко» мотивы повести «Перед восходом солнца» переносит на биографию реального автора. Т.П.Ходж прослеживает влияние фрейдовских теорий на Зоценко, который отрицал фрейдизм, но элементы этого учения в замаскированном виде присутствуют во многих местах повести. По мнению Т. П. Ходжа, Зоценко был вынужден отрицать влияние Фрейда на его теорию неврозов и работы мозга в связи с цензурой, которая контролировала советскую литературу (Thomas Hodge 1989: 1-28). Этой же теме посвящены статья К.П.Ш. Хэнсон «Дюбуа и Зоценко: «рациональная психотерапия» как источник зоценковской психической терапии» (Хэнсон 1995: 62-65) и монография Г. Карлтона (Karlton 1998: 31-58).

Следует подчеркнуть, что данный психобиографический подход, изначально был применен А.Жолковским к повести «Перед восходом солнца», а затем исследователь распространил его на «комический корпус» произведений писателя. Отметим, что методология А.К. Жолковского отличается от вышеприведенных зарубежных исследований тем, что в своей книге «Поэтика недоверия» он не только исследовал страхи Зоценко, нашедшие свое выражение в повести «Перед восходом солнца», но, спроецировав эти фобии на его раннее творчество – рассказы и повести 1920-х гг., выявил ряд инвариантных мотивов (боязнь власти, неустойчивости миропорядка, нищих и т.д.). В исследованиях А.Жолковского (1995: 50-60; 1996: 196-204; 1999: 67-88) «зоценковский персонаж» предстает своего рода портретом самого автора. Попытка исследователя найти «ключ» к единству художественного мира Зоценко привела к выделению ряда инвариантных мотивов: «страха», «недоверия», «гарантий покоя», «превентивных мер», «боязни гостей», «фобии руки», «невроза еды» и некоторых других. А.Жолковский обнаруживает «проекции» авторского «я» в разных комических персонажах Зоценко, опираясь на биографические сведения и автобиографическую повесть «Перед восходом солнца». По мнению исследователя, «у Зоценко злободневная тематика поставлена на фундаментальную основу вечных проблем человеческого состояния (*condition humaine*), причем, по всей вероятности, сознательно» (Жолковский 1999: 67-88).

Как уже было сказано, многие исследователи выделяют двойственность, как главное свойство творческой личности М. Зоценко, которая проявляется в разных сферах, так Ким Джун Сок отмечает, что «вариантность жизненных координат задана была в судьбе М.Зоценко изначально и всячески поддерживалась, лелеялась самим писателем, не назвавшем даже ни точного места, ни точной даты своего рождения. Принято считать, что М.Зоценко родился в Петербурге, но в одной из ранних печатных справок местом своего рождения он назвал Полтаву. Полтава была указана и в статье о нем в первой советской литературной энциклопедии, вышедшей в 30-е годы прошлого века. И дата рождения имеет два варианта: 1895 год – если придерживаться многочисленных автобиографических заметок (эта дата была указана также на его первом надгробии), или год 1894-й – принятый по уточняющим документальным разысканиям, на основании которых отмечался и столетний юбилей писателя. Если можно так сказать, «вариантным» является

даже представление о внешности и манере поведения М.Зощенко» (Ким Джун Сок 2007: 169-175).

Михаил Зощенко был одержим идеей познать себя через свой внутренний мир и других людей. Он собрал одну из лучших медицинских библиотек, в которую входили все русские переводы З.Фрейда (дореволюционные и послереволюционные издания), собрания сочинений И.П. Павлова, специальные журналы и медицинские монографии. Как отмечает Сонин В.А., «складывается впечатление, что писатель начинает раздваиваться как личность. Источником такой душевной и психической амбивалентности становится концепция Фрейда и павловское учение об условных рефлексах. Необходимо отметить, что мысли Зощенко о болезни и здоровье, взаимодействии психики и тела, изложенные в «Возвращенной молодости» почти на двухстах страницах, на две трети посвящены научным изысканиям, и только на одну – художественным описаниям» (Сонин 1997: 97-101). Однако сам писатель категорически отказывался признать влияние З.Фрейда, наоборот, пытался убедить читателей в том, что опирался только на идеи физиолога Павлова, о чем он писал И.В. Сталину в 1943 году.

Вышеприведенный анализ ключевых работ, посвященных феномену творческой личности М.Зощенко, позволяет сделать вывод о том., что отечественные и зарубежные исследователи рассматривают, во-первых, проблемы поэтики Зощенко, во-вторых, анализируют его фобии, увлечение психоанализом и идеями Павлова, а также описывают биографию Зощенко с первых его шагов в литературе до смерти в 1958 г. Среди биографических исследований необходимо отметить недавнюю работу Л. Милн, которая сопоставила творчество М. Зощенко и И.Ильфа и Е.Петрова (Milne, 2003).

Таким образом, обращаясь к феномену творческой личности и творческого сознания М. Зощенко можно выделить такое свойство, как двойственность, которая проявляется не только в его творчестве, но и в сфере его внешнего окружения и внутреннего состояния. Двойственный характер «взаимоотношений» Зощенко со своей эпохой и с самим собой мотивирован как объективной причиной - утверждением своей новизны и независимости в искусстве, так и личностно-субъективной - борьбой автора с собственным неврозом. М.Зощенко относится к числу советских классиков, чье творчество в последнее время открывается перед исследователями во всей своей сложности и многогранности. По мере того как уходит в прошлое канонизированный советской литературоведческой практикой взгляд на Зощенко как на «сатирика-бытописателя» и «обличителя мещанства», все большую актуальность приобретает задача переосмысления его литературного наследия.

Феномен творческой личности в истории русской литературы стал предметом специального научного рассмотрения преимущественно в литературоведении XX века и остается актуальной проблемой в современное время. В настоящее время в отечественном и зарубежном литературоведении существует достаточно объемная научная литература о творчестве М.Зощенко (В.Шкловский, А.Старков, М.Чудакова, Г.Белая, А.Филиппова, А.Жолковский, Т.П.Ходж, К.Хэнсон, Г.Карлтон и др.), но, несмотря на достаточно большое количество научных работ по творчеству М.Зощенко феномен творческой личности М.Зощенко исследовался фрагментарно и является актуальной темой для дальнейшего исследования. В этом смысле большой

интерес представляет диссертационное исследование Котовой М.А. «Драматургия М.М. Зощенко в контексте литературного процесса 1930-х - 1940-х гг.». Новизна исследования, на наш взгляд, состоит не только в выборе малоизученной проблемы, но и в особенном подходе, совмещающем в себе биографический метод, анализ поэтики комедий и методологию изучения литературной репутации, с которой тесно связано понятие литературного быта. Такой комплексный подход к изучению творчества М.Зощенко представляется продуктивным и поможет рассмотреть жизнь и творчество писателя не в одной плоскости, а создать многоплановое представление о феномене творческой личности М.Зощенко, затрагивающее разные аспекты создания и бытования его произведений.

БИБЛИОГРАФИЯ

- БЕЛАЯ, Г.А. (1989): Дон-Кихоты 20-х гг. «Перевал» и судьбы его идей. Москва.
- БЕЛАЯ, Г.А. (1995): «Экзистенциальная проблематика творчества М. Зощенко». *Литературное обозрение*, 1995, 1, С. 4-13.
- ЖОЛКОВСКИЙ, А.К. (1995): «К реинтерпретации поэтики Михаила Зощенко». *Известия РАН. Сер.лит.и яз.*, т. 54, № 5. С. 50-60.
- ЖОЛКОВСКИЙ, А.К. (1999): Зощенко из XXI века, или поэтика недоверия. *Звезда*, 5. С 191-204.
- ЖОЛКОВСКИЙ, А.К. (1999): Михаил Зощенко: Поэтика недоверия. Москва: Школа «Языки Русской Культуры».
- ЗОЩЕНКО М. (1984): «Литература должна быть народной»: Из творческого наследия, *Литературное обозрение*, 1984, 9, С. 100-108.
- ЗОЩЕНКО М. (2014): Малое собрание сочинений, Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014, С. 306-309.
- КИМ ДЖУНСОК (2007): «Творческая личность М.М. Зощенко как литературоведческая проблема», *Русская литература*, 4, С. 169-175.
- КОТОВА, М.А. (2005): Драматургия М.М. Зощенко в контексте литературного процесса 1930-х - 1940-х гг. Москва. Электронный ресурс: режим доступа [http://www.dissercat.com/content/dramaturgiya-mm-zoshchenko-v-kontekste-literaturnogoprotsessa-1930-kh-1940-kh-gg#ixzz3RTUm5iEc](http://www.dissercat.com/content/dramaturgiya-mm-zoshchenko-v-kontekste-literaturnogoprotsessa-1930-kh-1940-kh-gg) (Дата обращения: 12.12.2015)
- СКЭТТОН, Л.Х. (1995): «Не до смеха. Проблема творческой эволюции Михаила Зощенко», *Литературное обозрение*, 1, С. 14-17.
- СОНИН, В.А. (1997): «М.М. Зощенко и психологическая наука», *Психологический журнал*, 2 (18), С. 97-101.
- ХЭНСОН, К.П.Ш. (1995): «Дьюба и Зощенко: «рациональная психотерапия» как источник зощенковской психической терапии», *Новое литературное обозрение*, 1, С. 62-65.
- ЧУДАКОВА, М.О. (2001): «Поэтика М. Зощенко» В кн.: Чудакова М.О. *Избранные работы, том I. Литература советского прошлого*. М.: Языки русской культуры, С.79-205.

- HODGE, THOMAS (1989): "Freudian Elements in Zoshchenko's "Pered voskhodom solntsa", *The Slavonic and East European Review*, 67: 1, pp. 1–28).
- KARLTON, G. (1998): *The Politics of Reception: Critical Constructions of Mikhail Zoshchenko*. Evanstone: Northwestern University Press.
- MILNE, L.(2003): *Zoshchenko and the Ilf-Petrov partnership. How They Laughed*.
- WYSOCZANSKA-PAJAK, KATARZYNA (2013): «Раздвоенный герой в раздвоенной действительности. HOMO DUPLEKS в образе мира русской прозы 20-х гг. XX века», *Cuadernos de Rusística Española*, 9, pp.123-129.